

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №18 ГАЗЕТА

Валерий Ганичев / А кукушка всё кукует...

95
1927-2022

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (3 августа 1933 – 8 июля 2018)

Советский и российский писатель, журналист, общественный деятель, доктор исторических наук, председатель Союза писателей России с 1994 по 2018 год. Заслуженный работник культуры РСФСР (1988).

Родился в Пестово (ныне Новгородская область). До Великой Отечественной войны жил в Омской области. Среднюю школу кончал на Украине, в Полтавской области. В 1956 году окончил исторический факультет КГУ имени Т. Г. Шевченко. Работал в Николаеве.

С 1960 года занимался комсомольской и журналистской работой (заместитель главного редактора журнала «Молодая гвардия») в Москве. С 1968 по 1978 год — директор издательства «Молодая гвардия». Кандидат исторических наук (1972, диссертация «Система комсомольской печати СССР и её роль в революционном воспитании подрастающего поколения (1918–1925)»), в 1977 году на факультете журналистики МГУ защитил диссертацию «Молодёжная печать. История, опыт, проблемы» на соискание степени доктора исторических наук.

С 1978 по 1980 год — главный редактор газеты «Комсомольская правда». С 1981 по 1998 год — главный редактор журнала «Роман-газета». С 1998 по 2018 год — главный редактор журнала «Роман-журнал. XXI век». С 1994 по 2018 год — председатель Правления Союза писателей России. В 2001 году успешно способствовал канонизации Фёдора Ушакова.

Похоронен в Переделкино.

Союз писателей России. Комсомольский проспект, 13

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Вильямович Козлов

**Редакционная
коллегия:**
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2022
Все права защищены
Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2022 №18 /1911/ Основана в 1927 г.

Валерий Ганичев

А кукушка всё кукует...

Проза разных лет

...ГОГОЛЬ БЕССМЕРТЕН

* * *

Пришёл с товарищем на заседание серьёзной организации. Вопрос повестки дня глубокомысленно обсуждался, каждый из выступающих о себе думал, или, точнее, мнил высоко. Каждый представлял из себя довольно серьёзный художественный тип. После заседания мы вышли, переглянулись и изрекли: «Да, Пушкин наше всё, но Гоголь бессмертен».

Велик, велик Николай Васильевич, не только прошлое, но пронизательным взглядом пронизывает настоящее и, возможно, будущее. Архетип-то остался!

Юмор и гумор

Юмор и гумор — эти два слова стоят у меня в книжечке вместе, потому что одного смысла, но оттенки всё-таки есть. Юмор широк, разливист, может касаться всего. Иногда тоньше, иногда покрепче и «на грани».

Гумор — хитроват, более кажется наивным, но столь же задирист и глубокомыслен, смешлив и поучителен.

Юмор — это по-украински гумор, а гумор — это по-русски юмор.

Два народа умели пошутить над собой, да и друг над другом, а уж если над ворогом, то пощады не давали. Чего стоит только одно письмо турецкому султану от запорожских казаков всех национальностей.

Вот и получал я этот хохочущий и целебный нектар с цветков России и Украины, от хохлов и кацапов, чьи прозвища давно уже не царапались, а выражали больше задиристую насмешку. Украинцы и русские давно создали улыбочатый союз, а может, даже всепобеждающий блок, что посильнее всякого НАТО.

В этой книжечке собраны выражения, высказывания, забавные истории и ситуации, с которыми мне лично удалось столкнуться, услышать, которыми делились со мной знакомые и близкие в школе, в университете, на комсомольской работе, в издательском деле, на державных дорогах власти, в писательских буднях, да и просто на отдыхе или на прогулке. Тут и мудрые высказывания стариков на ферме и провинциальных патриотов, вождей и людей, не претендующих на руководство. Рас-

сказы с хитрым прищуром и наивная смешная простота, в которых я никого не хочу осмеять, а улыбнуться вместе с ними. Да и вообще, в такого рода «блестках» я не претендую на полную и законченную характеристику героя высказывания. Это дело других книг и материалов. Тут и ситуации жизни, на которые можно взглянуть с улыбкой, хотя кое о чём задуматься. Тут и «блестки» жизни, которые промелькнули, да и исчезли, часто навсегда, хотя можно их и вспомнить. Или выражения моих собеседников, которые вполне могут стать поговорками. Всё вперемешку. Никакой дифференциации по значению и хронологии я не проводил. Что приходило в голову, вспоминалось, то и записывалось.

Обов'язково обмануть...

В юности я пытался быть лектором, да и был таковым в ЦК Комсомола Украины и в Николаевском обкоме комсомола. У меня в запасе было три лекции: отпечатанная одна об истории комсомола, вторая была о международном положении (это дело я любил) и третья, пользующаяся наибольшим успехом у девушек-доярок, когда приходилось выступать на фермах, «О любви, дружбе и товариществе». Девушки задавали вопросы, каверзные для лектора: «А якщо вона (то есть другая) приходит и хлопця заманює? А це дружба називається?» Лектору приходилось выкручиваться, объяснять на классических примерах литературы. Но это не помогало. Дружба — дружбой, а любовь — любовью.

Старики, скотники и механизаторы усаживались плотно на первых рядах и хотели до глубокой сути разобраться в международных делах. А были они часто люди «подкованные» и бывалые. Служили раньше в армии, слушали политинформации, а некоторые даже воевали — так что «политику» знали и шагами измерили.

Помню, как-то приехав, объяснял очередную денежную реформу — хрущёвскую. Раньше, при Сталине, бывало всё ясно: цены понижают — хорошо, но мало. А тут реформа была связана с 10-кратным понижением цен и зарплаты. Вроде бы ясно: всем поровну и одинаково ниже. Я с комсомольским энтузиазмом объяснял это на очередной ферме. Сидевший на первом ряду, повернувший ко мне ухо дед недоверчиво покачивал головой. Я начал кипитесь: ну, все объясняют нам в правительстве, что ясно, как десять к одному: если понизятся цены, то понизится и зарплата — всё станет дешевле в десять раз. Дед снял кепку, чтобы лучше слышать, но всё равно покачивал головой. Я начал сердиться, покраснел, размахивал руками, но дед, вздыхая, согласия на такую реформу не давал. Как будто кто-то его и спрашивал. Потом, видя, что я совсем удручён и расстроен, махнул рукой, встал и грустно, как бы наушая и жалея, сказал мне: «Ну, сынок, ладно, хай буде так, но не

знаю де, не знаю як, но обмануть! Обов'язково обмануть!» Вот это «обов'язково» (обязательно) обмануть!» научило меня на всю жизнь, показало всю необязательность и обманность многих реформ. Не знаю де, не знаю як, но обмануть! **Обов'язково обмануть!**

Наши дети крупнее

В 70-х годах во главе делегации молодых советских людей я поехал в США. В делегации были ребята из Грузии и Литвы, а также группа комсомольских активистов и журналистов из РСФСР. Советскими почему-то называли себя только русские ребята, а грузины гордо и громко произносили, что они грузины, а литовцы, правда потише, что они литовцы. Русские, как и сегодня, затолканные в понятие «россияне», не стеснялись, что они советские. В делегации была девушка из Иркутской области, секретарь комсомольской организации, строитель, кажется, даже на кране работала. Ну, в общем, из Иркутска тогда не так часто в США ездили, и я представляю, как её наставляли перед отъездом в обкоме комсомола, возможно, и в обком партии вызывали. Надя была девушка красивая, смотрела на мир уверенно. Но везде, где мы побывали — на заводах, в комбинате питания, на стройке, в гостинице гордо говорила: «А у нас в Братске лучше, а у нас в Иркутске красивее». Журналисты наши, такой же ехидный народ, как и сегодня, над ней подтрунивали. Я решил как-то её подзащитить, утихомирить насмешников. Сказал ей: «Знаешь, Надя, тут, в Америке, тоже что-то хорошее есть, ты присмотришься — может, полезное что-то или красивое». Она подумала, согласилась вроде бы. В Чикаго мы были в муниципальном детском садике, разукрашенном, с массой игрушек, сменной одеждой, невиданное количество фломастеров (у нас они тогда только появились). Выходим, журналисты жмутся к Наде. Что скажет? Она подходит ко мне, минуя их, и громко говорит: «Валерий Николаевич, неплохой детский садик, неплохой, опрятный! Но вот, что я вам скажу...» Все напряглись. **«Наши дети крупнее!»** Все задумались и хохотнули. Я же подошёл к ней и поцеловал.

В колгоспи должен быть порядок

В 1990 году я в составе делегации Союза писателей России был на декаде русской литературы на Ставропольщине. В переполненном зале вышел и рассказал о книжке «Адмирал Ушаков», которая вышла в серии ЖЗЛ. Зал внимательно выслушал, но видно было, что аудиторию волновали происходящие перемены, разрушающая перестройка, и я вспомнил недавно рассказанную историю.

Вся страна знала известного председателя колхоза с Одессщины Макара Посмитного, дважды Героя

Социалистического Труда, депутата Верховного Совета.

Он неоднократно бывал за границей, человек был авторитетный, и вот недавно его взяли в составе делегации Верховного Совета в Англию. Пригласили в ЦК, рассказали о наших связях, о британских делах. С докладом в Англии Посмитный не выступал. Но англичане пригласили его на Би-Би-Си, и корреспондент с ехидной улыбочкой задал первый вопрос Посмитному: «Скажите, пожалуйста, господин Макар Посмитный, как у вас относятся к демократии?» Макар Иванович погладил усы и спокойно и рассудительно ответил: «Демократия — це дело хорошее. Демократию мы любим и уважаем, демократия — це добро, — потом подумал, что-то вспомнил, ударил кулаком по столу со всей силой и ответил: — но у себя в колгоспи я люблю порядок!»

Когда я рассказал, аудитория в Ставрополе взорвалась аплодисментами, всем в области, недавно возглавляемой Михаилом Горбачёвым, хотелось порядка. Но таковой так и не наступил. А в **союзном колгоспи (колхозе), конечно, рядом с уважаемой демократией должен быть порядок.**

Наши боги сильниши...

В издательстве «Молодая гвардия» было много интересных людей с разными жизненными историями и ситуациями. Вот пришла к нам известная до войны, да и после Мария Демченко. Она была известной свекловодкой, получившей 500 центнеров с гектара. За это Сталин лично вручил её орден Ленина. А случай она рассказала поучительный. Получив орден, она приехала в село и сказала родителям: снимайте иконы, повесим портрет Косиора (был такой первый секретарь ЦК компартии Украины). Портрет Косиора повесили. Через год его арестовали и расстреляли. Батка с вопросом посмотрел на дочь. Мария уже менее уверенно сказала: «Давай повесим туда портрет Постышева, который стал первым секретарём ЦК компартии Украины». Через год Постышева тоже арестовали и расстреляли. Отец вздохнул, пошёл в чулан, достал иконы и, не злорадствуя, повесил вместо Постышева, негромко сказав: «**Ни, дочка, наши боги сильниши**».

Сценку эту Мария в книжку не вставила, но слова народные — «**наши боги сильниши**» — были убедительны.

Маршал на коленях

Из Николаева меня послали на конференцию Одесского военного округа. Командующим там был генерал армии танковых войск Бабаджанян. Он выступил перед комсомольцами и встретился с нами, представителями областей, входящих в округ. Так мы и познакомились. В Москве он уже был маршалом.

Я предложил ему написать книгу о войне и воспитании танкистов. Маршал писал с энтузиазмом, приезжал в издательство. Это было событие: не каждый день в издательстве был маршал, хотя и бывали. Он зашёл ко мне в кабинет, рассказал, как пишется, и заметил, что я держусь за поясницу, участливо спросил: «Что, болит? А ты знаешь, как вылечить? Смотри!» Маршал встал на колени, сразу поднялся, потом ещё раз встал на колени. И тут открылась дверь, и вошёл наш боевой фотограф Михаил Харлампиев и, как всегда, с фотоаппаратом. Сразу же сделал щелчок и вот — потрясающее фото: маршал на коленях перед издателем. Бабаджанян не спеша встал и показал кулак. «Если фото появится — танки в издательство введу». Михаил был фронтовиком, твёрдость и непоколебимость танкистов знал, поэтому сказал: «Засвечиваю, товарищ маршал», — и щелкнул объективом. И, уже выходя, сказал: «Я бы эту фотографию за миллион рублей продал». Маршал хохотнул: «Я бы и сам за миллион продал».

Муж принял это сообщение с пониманием

В отделе пропаганды ЦК ВЛКСМ мы собирались после больших поездок и обсуждали итоги. Я гордился, что по моей записке, направленной даже в ЦК партии, город Комсомольск-на-Амуре был награждён орденом. Это было событие, особенно когда ему вручали этот орден. Но я не мог там быть. В эти дни была встреча молодых писателей в Вешенской у Шолохова, которую я организовал. В Комсомольск поехал наш инструктор Слава Гурьев, замечательный мыслитель и создатель целого ряда афоризмов. Он доложил, как прошёл праздник, какое было веселье и радость, какой яркий был фестиваль, но от выстрела ракеты, которая упала в толпу, погибла женщина. Повисла гнетущая тишина. Люся Миланчикова с ужасом воскликнула: «А как муж?» Слава помолчал и, подбирая слова, сказал: «**Муж отнёсся к этому с пониманием**». Ну, в общем, и смех и грех. А Слава прослыл женоненавистником, хотя и женщина, как выяснилось позднее, выжила.

Стриптиз на удочку

Югославия. 1962 год. Приглашён в город Дубровник на совместный югославо-американо-русский семинар о международных делах. Сделал чёткий доклад о нашем миролюбии, предварительно показав его в КМО (Комитет молодёжных организаций). Сходил днём на пляж, надел, к некоторому удивлению американцев, плавки с завязывающимися сбоку тесёмками. А у американских коллег были какие-то космические одёжки. Ну да ладно, и в наших плавках в глубину Адриатики нырять можно. Вечером югославский руководитель Союза студентов (а я шёл по разряду студентов МГУ) пригласил проехать

по ночному Дубровнику. Я с осторожностью согласился. Отношения с Югославией налаживались, но не всё ещё было ясно. Известен был анекдот того времени о том, как едут Хрущёв, Кеннеди и Тито по дороге. Кеннеди включает правый поворот и поворачивает направо. Хрущёв включает левый поворот и поворачивает налево, а Тито включает левый поворот, а поворачивает направо. В общем, мы не знали тогда, куда поворачивает Югославия, хотя и сами неизвестно куда рулили. Студенческий лидер, однако, был довольно гостеприимным и дружелюбным, завёл в один бар, где играл оркестр, во второй, где выступала какая-то шоу-группа, а потом спросил: «Хотите посмотреть стриптиз?» Честно говоря, я не знал что это такое, а спрашивать не хотелось. Кивнул неуверенно. В полутёмном зале нам принесли джин с тоником. Заиграла музыка. Вышла девушка и неожиданно для нас стала раздеваться. Да и не так уж вульгарно, а подавая удочку, чтобы посетитель снял крючком ту или иную одежду. Вот уже кофточка снята, вот юбочка, кто-то зацепил за бюстгальтер. И вот, грациозно приплясывая, она направляется к нашему столику. В голове пронеслось: завтра злобная югославская «Борба» или ещё хуже «Политика» даст фотографию, как советский студент раздевает ночную диву в кабаке. Это было ужасно! А она действительно подходит к нашему столику и протягивает мне удочку — снимай. У меня оказалась блестящая реакция, я сказал: «Ну, хозяева это умеют делать лучше нас», — и протянул удочку студенческому лидеру, который спокойно и неторопливо снял удочкой трусики. Бокал с джином я поспешно выпил. Фотография советского студента в югославской «Борбе» не появилась, и на стриптиз я больше не ходил.

Не с той стороны

Марина Журавлёва, секретарь комсомола, симпатичная женщина, одевающаяся со вкусом и по современным тогда меркам, приехала в студенческий Харьков, ибо она и отвечала в комсомоле за студентов. После походов в вузы и встреч обкомовцы везли Марину на берег Донца, где зажгли костёрчик, ожидая уху. Марина, которая сидела с ними в коротенькой юбочке, колени её, естественно, обнажились, и на одну из них сел комарик. Простодушный и довольно услужливый секретарь по работе с сельской молодёжью закарпатец Вася Ярошовец развернулся и довольно увесисто хлопнул по коленке, пошутив при этом: «У нас кажуть: видкиля комар прилетив, то оттуда и жених буде». На коленке лежал прибитый комар, да виднелось красное пятно от Васиного шлепка. Марина, интеллигентная ленинградка, сначала опешила, а потом сказала: «Я очень рада, Василий, что комар не с вашей стороны прилетел». А Вася потом долго повторял: «Вот эти ленин-

градки, с ними и пошутить нельзя». Ясно, что после этого визита Марина к харьковчанам больше не ездила.

По газонам не ходить

В санатории Красиво на Белгородчине всё сверкает и сияет, цветёт и пахнет. По отведённой территории гуляют яки, антилопы, пони, есть даже два медведя. В прудах плавают лебеди, гуси, утки. На ветках и в клетках сидят фазаны, павлины, куропатки, сверху, со своего роста, на них глядят страусы. Да, в общем, чего и кого тут только нет.

Когда мне звонят из Москвы и спрашивают: какой курс лечения я принимаю, то в зависимости от времени года говорю: «Прохожу курс «тюльпанотерапии», «розовые воздушные ванны» или «рябиновые успокаивающие капельницы». Человек необычайной и во все проникающей энергии, генеральный директор этого райского хозяйства, где несколько лечебных корпусов, масса медицинских кабинетов и сверхвежливый, красивый и заботливый персонал, Галина Дмитриевна Черкашина — заботница от Бога и губернатора Савченко, который только приговаривает ей: «Смотри, только не хуже, чем в Швейцарии, обойди по услугам Испанию, дай фору Сочи и Ялте». И каждый год в санатории что-то прибавляется: и зимний сад, и корпус для научных конференций, деревянные, лепные домики, банный комплекс на берегу речки Псёл, и блистательный аквапарк, и новые пруды, и водоёмы, виноградные поля и закрытые, и открытые клубничные плантации. В общем, чего тут только нет. Народ не успевает следить за новациями.

Решили там в укромных местах выставить всякого рода фигуры. Так встала на клумбе в окружении приземистых кустов фигура Венеры Милосской. Ну, не оригинал, конечно, но довольно приличная копия. Дворничиха, которая убирала вдоль дорожек парка, ещё вчера фигуру не видела и настойчиво предложила ей покинуть клумбу. Та, естественно, продолжала стоять. Дворничиха решительно потребовала уйти с клумбы, а потом воскликнула: **«Вы же знаете, женщина, что по газонам ходить нельзя!»** Стоявший рядом народ захохотал, а тётушка наконец увидела, что это скульптура, махнула рукой и сказала: «Всё равно по газонам ходить нельзя».

А у вас гірше...

Приехав из Москвы, приветствую в Киеве моего друга Бориса Олейника в связи с 60-летием в актовом зале «Украина». Годы напряжённые, с одной стороны, резко выступают «свидомы незалежники», с другой — «отпетые патриоты», а плоды народного труда делят «новые русские» и «нові українці», но в основном «старые евреи».

Я начинаю слово: «Приветствую Вас, Борис Ильич, от секретарей Союза писателей России — Бондаренко, Дорошенко, Барановой-Гонченко». В зале смех: вот на каких ресурсах человеческих живут москали. Я продолжаю: «А также от Юрия Бондарева, Михаила Алексева. Валентина Распутина, Василия Белова, Владимира Карпова, Петра Прокураина ...» В зале аплодисменты.

* * *

На фуршете Борис Олейник благодарит: «Я тебе бажаю счастья, Валера, повной хаты добрых людей и щоб сала було богато... — Потом хитро прищурился и закончил: — Но я же хохол и хай у мене буде теж все цэ, но трошки бильше». Хохоchem. Я отомстил: «Вот ко мне недавно позвонил Миша Шевченко (секретарь письменников Украины) и спросил: «Ну, як там у вас в Москви?» — «Плохо, Миша, плохо». — «Ой, тай у нас погано». «А як влада?» — «Да, какая там власть, бандиты с большой дороги!» — «Ой, тай у нас теж саме! А як президент?» (Ельцин недавно расстрелял парламент, в стране олигархический разбой.) Я говорю: «Хуже некуда». — «Ой и у нас такой же!» Потом помолчал и сказал: «**Ни, у вас ще гірше**». Всё-таки патриот Миша. Посмеялись тоже.

ИСТОРИИ ПРО СТАЛИНА

Засядько меру знает...

Нашим автором в «Молодой гвардии» был светлый и весёлый поэт Феликс Чуев. Отец у него был лётчиком, погибшим во время войны, и Феликс был влюблён в авиацию. Но главная его и бесстрашная любовь в те времена была любовь к Сталину и как руководителю государства, и как человеку великих масштабов, и как рачительному и внимательному человеку, и как экономисту и философу, и как хозяину и человеку техники, науки, культуры. Он мог говорить о нём часами, подвергаясь осмеянию, оплевыванию и даже общественному порицанию. В этой любви и восхищении ничто не могло его остановить. Он знал все факты биографии, встречался с военными, избретаателями, государственными деятелями, бескомпромиссно выступал с опровержениями антисталинских высказываний, хотя зачастую у него не хватало, да и не могло быть исчерпывающих аргументов. Он записал тогда то, чего никто не мог сделать: беседы с Молотовым, Кагановичем, Головановым, маршалом Рокоссовским и многими выдающимися людьми сталинской эпохи. Сейчас это бесценные документы. Но ещё он был неистощимым балагуром, знавшим много придуманных и истинных историй и анекдотов о Сталине. Мне запомнились по крайней мере три из этих историй. Феликс рассказывает:

— Это было до войны. Одна из шахт в Донбассе постоянно давала план или даже превышала его. Сталин попросил вызвать директора этой шахты. Прибыл гигантского вида шахтёр, который и организовал эту работу. Это был Засядько. Сталин спросил его обо всём, а потом задал вопрос: «Товарищ Засядько, а вы водку пьёте?» Тот ответил: «Конечно, пью». — «А стакан можете выпить?» — «Могу». — «Наливайте». Засядько налил и выпил. «А второй можете выпить?» — «Могу и второй». — «Наливайте и пейте». Засядько выпил. «А третий можете выпить?» Засядько вытер губы и сказал: «**Нет, Засядько норму знает**». Сталин отпустил его, а через несколько месяцев предложил назначить его наркомом угольной промышленности.

На Политбюро произошло обсуждение. Каганович сказал: «Засядько же крепко выпивает». Но Сталин возразил: «Нет, товарищи, Засядько норму знает».

Ну и шуточки...

Вторую историю не знаешь, куда отнести — то ли к шуткам, то ли к издевательствам. Носенко в то время возглавлял один из оборонных комитетов. Однажды, находясь в Кремле в 1943 году, он увидел Сталина, который проходил мимо и сказал ему: «Носенко, а ты ещё не сидишь?» Носенко пришёл домой, ничего не сказал жене, но попросил подсушить сухари, приготовить смену белья и положить всё в чемоданчик. Проходит месяц, два, полгода. Носенко снова в Кремле в 1944 году, получает задание и слышит снова реплику Сталина: «Носенко, а ты до сих пор не в тюрьме?» Бедный Носенко пришёл домой чёрный, перепроверил чемоданчик — там всё было готово, как и прежде. Месяц, два, пять. Победа. На заседании Политбюро Сталин всех поздравляет, благодарит за работу и, обращаясь к Носенко, говорит: «**И мы ещё находили время для шуток, так, товарищ Носенко?**»

Ну и шуточки, после которых надо было сушить сухари. И Феликс Чуев заразительно смеялся.

А Варшава была

В 1945 году в Москву из Лондона приехала делегация с эмигрантским польским премьером Миколайчиком. Надо было определить новую границу по так называемой линии Керзона, установленной после Первой мировой войны. Миколайчик кипятился, требовал установить границу по линии 1939 года. Сталин был спокоен: советские войска не только почти освободили Польшу, но вели наступление на Берлин. Западные земли Украины и Белоруссии, конечно, отходили Советскому Союзу (о чём надо постоянно напоминать бандеровцам и западникам, чьи войска участвовали в борьбе с нашей армией). Ми-

колайчик воззвал: «Отдайте нам Львов! Он ведь никогда не был русским городом». (Он был в подчинении Австро-Венгрии.) Сталин спокойно выслушал его и сказал, раскуривая свою трубку: «**Львов не был, а Варшава была**». Возражать было бессмысленно.

Вот эта державность и привлекала Феликса.

Загадочное и таинственное слово

В 1929 году, как рассказал мне один застарелый украинофоб, секретарь ЦИК Украины Скрынник решил начинать украинизацию населения, которое, как и сейчас, в большинстве своём говорит по-русски. Он обратился к «всероссийскому старосте», Председателю ВЦИК СССР Михаилу Ивановичу Калинин с просьбой выделить средства на эту кампанию. Калинин спросил: «Сколько тебе надо, ведь у нас идёт усиленная индустриализация». Скрынник сказал, что надо один миллион золотом. Калинин всплеснул руками: «Да ты что? Скажи, как по-украински будет голова?» — «Голова». — «А рука?» — «Рука». — «А нога?» — «Нога». — «А спина?» — «Также спина». — «А жопа?» — «Так жопа будет срака». — «Так что, я тебе на сраку один миллион должен дать? Нет, давай будем проводить индустриализацию».

Катастрофа, ещё не беда

Мария Ивановна говорит: «Сегодня, дети, мы будем объяснять слова. Вот что такое катастрофа? Скажи, Наденька». «Мария Ивановна, катастрофа — это когда два козлика идут по брёвнышку, бьют друг друга рожками и падают в воду. Это катастрофа».

— Нет, Наденька, **это беда, а не катастрофа**, а катастрофа, когда летит самолёт, там сидят богатые люди, олигархи, самолёт взрывается и падает, а богатые люди погибают. Это катастрофа. Скажи, Наденька, что такое катастрофа?

— Ну, катастрофа — это когда богатые люди летят на самолёте, он взрывается, они падают и погибают. Это катастрофа. Но это не беда, а беда, когда два козлика идут по брёвнышку, бьют друг друга рожками и падают в воду.

Вот такова детская логика...

Не примем... Очень умный...

Приём в члены Союза писателей — процесс непростой. Нужна книга или две-три рекомендации от членов Союза, решение общего собрания и утверждение Центральной приёмной комиссией.

Однажды я находился в Туле на прекрасном Толстовском празднике. Очень содержательный доклад сделал завкафедрой университета, потом я узнал, что у него почти десять книг по литературоведению, по биографии и творчеству Л. Толстого. Я потихоньку спросил у ответственного секретаря писательской

организации: «По-моему, интересный литератор, писучий, с мыслями, принимать в Союз надо». Пахомов, серьёзный и многоопытный секретарь Союза, помотал головой и твёрдо ответил: «Нет, не примут наши». — «Почему?» — «Очень умный». Такой вердикт не так редко встречается у наших коллег. Ум для многих опасен.

Пушкин — якутский писатель

В Советском Союзе была блестящая школа переводчиков, которые русских писателей делали близкими, понятными и родными для народов страны.

На одном из пленумов Союза писателей прекрасный народный писатель Якутии Николай Лугинов, лауреат многих общероссийских и республиканских премий, пишущий на якутском и русском языках, сказал: «Я жил в улусе и до третьего класса считал, что Пушкин — якут и якутский писатель». Вот как можно превосходно перевести и сделать Пушкина якутским народным писателем! Слава советским переводчикам! Где они сегодня?

«Всё потеряем...»

На улице Грановского привилегированная больница. Там лечатся депутаты Верховного Совета, члены ЦК, Герои Советского Союза, министры и их заместители. Я попал туда с приступом желчнокаменной болезни, когда был главным редактором «Комсомольской правды». Лечат как везде, но более внимательно. Родственников в определённое время пускают. Но вот к одному замминистру запустили жену во внеурочное время. Она зашла в палату, а там мужёнок встречается с медсестрой. Та выскользнула, а жена, недолго думая, схватила тапочки и стала бить мужа и кричать: «Ну, гад, я тебе суп принесла, а ты тут амурничаешь». Потом выгнала его тапком в коридор, добавляла довольно громкую ругань. Муж бегал по коридору, уклонялся от тапок и уговаривал жену: «Тише, тише, Маша, **всё потеряем**. Всё потеряем, дорогая!» Не знаю, потерял ли он «всё», или крики жены не услышали и он продолжал работать в том же качестве, но опасение «всё потеряем!» многих высокопоставленных особ заставляло усмирять свои вожделения.

«...А москаль спивает...»

В Крыму в 1999 году отмечали 200-летие Пушкина. Приехала представительная украинская делегация писателей. Во главе Дмитро Павлычко, Иван Драч, секретари писательских организаций.

С Павлычко знакомы. В новой Украине фигура заметная, представитель власти. Напоминаю: «А помнишь, тебя издали в «Библиотечке избранной лирики» «Молодой гвардии» 500-тысячным ти-

ражом» — «О, то была казка!» Я напоминаю, что всё сейчас развалили. Он разводит руками. Возлагаем цветы в Ялте у памятников Пушкину, Лесе Украинке, Богдановичу (классик белорусской литературы). Делегация приехала и оттуда. И пошли ещё к не очень известному, но яркому украинскому писателю, поэту Степану Руданскому, написавшему изумительную, печальную и с надеждой песню «Повій вітре на **Україну**» (хотелось бы напомнить выправителям украинской мовы, что Тарас Шевченко также писал **на Украине** милой (як умру, то поховайте) и тоже не чурался местоимения «на»). Павлычко величественно сказал: «Ось цю пісню і виконаєм. Оксана (красавица из Винницы), заспівай, всі разом».

Все запели — и я с ними, ибо у нас дома и в Николаеве, и в Киеве, и в Москве Светлана и все мы эту песню пели и любили, не отгораживаясь ею от людей. С первым куплетом было всё в порядке — все знали. Второй пропела только Оксана и я, а третий — не помнила и она. Пел один я. В стороне стоял и корчился от смеха Владимир Казарин, замглавы правительства Крыма, славянофил и утвердитель братства русских и украинцев. «Ты чего?» — спросили у него. «Так **хохлы мовчать, а москаль співає!**»

Да, так бывает, но чаще второй куплет «большие патриоты» не знают и у нас.

С начальством не шути...

При назначении на должность зав. лекторской группой меня сводили к завсектором печати обкома партии, кажется Выборному. Тот поинтересовался прошлым, спросил, что читаю, какие песни пою. Я назвал «Подмосковные вечера», он разозлился. «Ну как такую чепуху можно петь?» — «Почему?» — спросил я. «Вот ты ещё и не понимаешь. Ну как можно петь: «Речка движется и не движется, песня слышится и не слышится». Я немного опешил, возразил, что весь мир поёт, а он хмуро сказал: «Иди». Когда я пришёл, секретарь обкома комсомола сказал: «Ну, ты шуток не понимаешь, он же с тобой пошутил». Я всё-таки был не уверен, шутит ли он или одумался позднее.

Однако, когда меня вызвали утверждать в Киев, то на вопрос: «Звидкиля ты?» — я бойко ответил: «Вообще-то я космополит» Я хотел объяснить, что родился в Ленинградской области, жил в Сибири, школу окончил в Полтавской области, университет в Киеве, работаю по распределению в Николаеве. Но инструктор встревоженно и внимательно посмотрел на меня и попросил выйти из кабинета. Через полчаса вышел и сказал: «Вы свободны». Я уезжал в мрачном настроении — чёрт дёрнул пошутить. Когда приехал, секретарь обкома Василий Немятый сказал: «Ну, ты знаешь, мне долго пришлось их убеждать, что ты парень хороший, умный, патриот, никаких космополитов не любишь, а они

ведь настроены на борьбу с ними». «Это верно», — подумал я.

«Вы, братцы, всё ж таки домивки не цурайтесь»

В последний год на Украине жил я в Яготинщине, возле Киева. И там невдалеке протекала речушка Оржица. Поскольку жил я там недолго, название её не запомнил.

Мой однокурсник по Киевскому университету Скрынник Юра, в просторечии СЮН, знал много четверостиший и стихов о разных местах Украины. С некоторым вызовом спросил у меня: «А ты Оржицу знаешь?» Нет, я не знал. И он продекламировал, посрамив меня, строчки поэта Евгения Гребёнки:

Хто знає Оржицю? Ануте, озивайтесь!
Усі мовчать. Гай-гай, які шолопаї!
Вона в Сулу тече у нашій стороні!
(Ви, братця, все-таки домивки не цурайтесь!)
На річці тій жили батьки мої...

Не цураться (чураться) «домивки» — это был добрый и важный наказ из глубин прошлого.

Футбол — партийный вид спорта

Под своё начало в обкоме комсомола я получил политпрос, художественную самодеятельность, комсомольские патрульные дружины, правонарушителей, хоровые коллективы, студентов и спорт. Надо было везде побывать, познакомиться с ребятами, поговорить, узнать о проблемах. Мои соседи по общежитию в заводе 61-го коммунара Вена и Витя подзуживали: «Ну что так плохо играет «Судостроитель?»» Особенно их задевало, что он проигрывает одесскому «Черноморцу». Дошла очередь и до «Судостроителя». Пришёл в раздевалку, стал укорять ребят, стал говорить о патриотизме, напомнил, что Николаев возник на несколько лет раньше Одессы. Да и вообще, надо помнить о комсомольской ответственности перед городом. Футболисты молчали, с некоторым удивлением поглядывая на посланца комсомола и масс. Тренер куда-то вышел во время моих филиппик. Я попросился с каждым за руку и приехал в обком комсомола. Там ждал нагоняй от Василия Немятого, первого секретаря: «Тебя кто туда посылал? Вот звонил уже секретарь обкома партии Момотенко, на тебя уже тренер пожаловался. Момотенко сам футбол контролирует. **Запомни: футбол — партийный вид спорта**».

Чтобы лучше была...

Моя дочь уже давно взрослая, всё умеет, но каждый раз повторяет: «Вот, как мама». Она уже готовит лучше мамы, украшает дом не хуже, собирает все мои

разбросанные записки, классифицирует их, как Света, но каждый раз повторяет: «Вот, как мама». Это хорошо, конечно, думаю я, когда это в ней появилось? Да всегда было. Помню, когда она вышла погулять после небольшой взбучки и встретила такую же восьмилетнюю, как она, Ленку Попцову, и та сразу предложила ей какую-то игру, Марина раздумывала. Тогда Ленка спросила: «Тебя когда-нибудь мама наказывает?» Маринка вздохнула и призналась: «Да, наказывает». Ленка победоносно на неё посмотрела и сказала: «А меня не наказывает». Марина подумала и, чтобы не оставлять впечатление о жестоких родителях, ответила: «А знаешь, почему они меня наказывают?» — «Почему?» — «Да чтобы я лучше была...» Эту фразу наши семьи взяли на вооружение: «Наказывают — чтобы лучше была».

Последний хохол империи

После смерти Сергея Лыкошина самым верным и последовательным бойцом Святой Руси в аппарате Союза писателей России остался Сергей Иванович Котьяло. Он прошёл постижение литературы русской и мировой в Литературном институте, в журналах «Молодая гвардия» и «Дружба». Периодически за строптивый характер и служение правде изгонялся из разных мест, работал строителем, восстанавливал Андреевский монастырь и другие русские святыни. Обладает феноменальной памятью, знает наизусть многие духовные тексты и русскую классику. Спорить с ним нелегко — он оперирует точными знаниями и книгами. И ещё он яростный борец за Святую Русь — Россию, Украину, Белоруссию. Тут не было пощады «высокоумным патриотам», «свидомым украинцам», латинизированным белорусам. В российских СМИ нередко провоцировалось великорусское чванство, пренебрежение — «куда они денутся», в ющенковских «самостийных кругах» стоял истошный вопль о европейском пути Украины, в художественных последователях Беловежской Пуши в Белоруссии усиленно вытаскивали польскую шляхту, выдавая её за белорусскую (вековечно измывавшуюся над белорусами). Это было горько и обидно. Надо было снова соединять восточных славян, давать им единое знамя. И оно было, о нём сказал в своих триумфальных поездках на Украину и Белоруссию Патриарх Кирилл — единая Святая Русь. Для Котьяло это цель жизни, ее дух. Он вместе с нами мотается по Украине, где создаются дружественные писательские организации, находит пишущих людей, которые укрепляют эту дружбу, принимает участие в создании единого русско-белорусского Союза писателей, резко обрывает хулителей этого объединения. В этом направлении работают созданное им общественное объединение «ИХТИОС», журнал «Новая книга России», сайт «Русское Воскресение».

Мало ли что становится при его участии фактом нашей дружбы, деятельности и мысли. Почти незлобиво, по-доброму он получил прозвище, а скорее звание — «**Последний хохол империи**». Думаем, что не последний, и не только хохол, а русский и белорус, и не только империи, а всего Союза и объединения.

Даст Бог нам всем следовать этому пути.

К чему це?

Мать Сергея Котьяло прошла всю советскую жизнь — воин Отечественной войны, колхозница, агроном, бригадир, председатель колхоза, в последние дни была на пенсии. Внимательно слушала радио из Москвы и Киева. Вслушивалась в путаницу и красноречие слов, в куцые мысли и противоречивые фразы. Потом вздыхала и говорила как бы себе: «К чему це? (К чему это?)» Да, действительно, всё больше было путаников, безответственных политиков, экономистов, философов, чьи речи были бездумны и запутанны. Действительно, «**к чему це?**». Обилие болтовни, пошлости, вранья. Однако эфир и СМИ полнятся ими.

Диссертация по Блоку

Будучи в гостях у композитора Георгия Свиридова, с которым мы очень дружили, мы прослушали его сочинение на стихи Блока, потом увлечённо стали рассуждать о стихах Блока, декламировать их, вспоминать, где и когда Блок их написал, под каким влиянием или впечатлением. Много услышал впервые. Я с изумлением сказал: «Георгий Васильевич, дак вы запросто можете **защитить диссертацию по Блоку и его творчеству**. Такие знания!» Эльза Густавовна (его жена) всплеснула руками: «Да разве по Блоку только? Послушайте, как он рассказывает о Есенине, о Фете. А по Пушкину он давно уже академик». Да, Георгий Васильевич был «литературный» композитор, знал творчество поэтов, их страсти, их мысли, наполнял их звуками.

И, что радостно, — он знал и любил современных поэтов и писателей, а мы (Распутин, Крупин, Костров, Куняев, Астафьев) бывали на его концертах и в гостях, а ученую степень по одной мелодии к пушкинской «Метели» ему можно было присудить. Он и сам любил приходить в Союз писателей России. «Мне здесь тепло и уютно», — говорил Георгий Васильевич.

В Доме писателей еврейские анекдоты

В 1988 году я отдыхал с семьёй в литовской Ниде, на Куршской косе. Союзом писателей там был построен Всесоюзный дом творчества писателей. Ау, где ты, Дом писателей, где денешки?